

ВОКАЛ

Нет, пожалуй, в России другой певицы, чье творчество вызывало бы столь разноречивые оценки, чем Лина Мкртчян. София Губайдулина считает талант Лины удивительным, оригинальным, захватывающим своей мощью. Дмитрий Лихачев говорит о голосе редкой красоты и наполненности, который точно льется с небес. Высокие похвалы, принадлежащие крупнейшим авторитетам культуры, можно приводить еще долго. Но есть другие мнения: Лину упрекают в исполнительском своеволии, нарушении стилистических канонов, задевая попутно и ее личность — капризна, претенциозна, юродствует. Обратимся к первоисточнику — что думает об этом сама певица?

Певчая птица Лина Мкртчян

Моск. новости - 1994 - 3-10 апр. (14) - с. 36

— Слова, что я пою «не так, как другие», воспринимаю как комплимент. Разве я могу петь, как другие? У меня другие линии ладони, другие глаза, другое сердце, другой тембр голоса. На протяжении последних десятилетий у нас сложилась такая ситуация, когда порочное исполнение породило порочное восприятие. Выросли поколения людей, считающих, что петь нужно только так и не иначе: чтобы тенор брал верхнее «до», сопрано «гвоздило», низкий голос рычал бочкой. Между тем пение не цирк. Голос не просто акустическое явление, это глас, духовный феномен, связь между землей и небом. Не случайно в православном храме, колыбели русской культуры, человеческий голос без музыкального сопровождения — один из важнейших элементов богослужения. Когда в России были уничтожены храмы, у страны было вырезано сердце, и весь организм начал умирать. Возникли трагические деформации в музыке, пении, нравственности.

— Поэт Владимир Миклушевский заметил однажды, что бесхитростная откровенность вашего вокального и религиозного чувства и отвращает от вас официальный музыкальный мир.

— Тогда это тем более печально и еще раз указывает на глухую стену, которую люди умышленно воздвигли между собой и осознанием великой тайны космической жизни. Я не выбирала свою профессию. Даже не могу назвать это профессией, это нечто высшее. Владимир Миклушевский — один из ангелов, ниспосланных мне Богом. Последний русский религиозный философ, встреча с которым преобразила мою жизнь.

— Понимая свое призвание как нечто высшее, вы все же существуете в обычном мире, который вольно или невольно влияет на творческий процесс художника.

— Я всю жизнь силилась не зависеть от социума. Тем не менее не всегда удается отсечь то, что вы именуете творческим процессом, от условий, которые мне навязывает действительность. Петь только для себя, а не для людей, нуждающихся в утешении и моральной поддержке, я не могу.

— Но ведь советского режима, который навязывал артисту нормы поведения, больше нет.

— Однако есть нюанс. Люди, прежде исполнявшие мелкие поручения в отделе культуры ЦК КПСС, сейчас возглавляют крупные «культурные» фонды. Сфера их влияния не только сохранилась, но и расширилась. Ситуация изменилась в худшую сторону.

— Разве вам недостаточно успеха у публики, аншлагов, восторженных отзывов прессы?

— Безусловно, это меня радует, но не в такой мере, чтобы я могла забыть о миллионах слушателей, которым я не в силах передать то, чем полна моя душа. Концертные залы для меня, в сущности, закрыты. Идеологические, бюрократические и прочие рогатки сменились финансовыми, преодолеть их я не в состоянии.

— У кого вы учились?

— Детство мое прошло в Одессе и совершенно случайно, почти проездом я оказалась в Москве, где встретила незабвенную Полину Львовну Тренину, подлинного носителя традиций русской вокальной школы. И если во мне есть хоть что-то от них, этим я обязана замечательному педагогу, трагически рано от нас ушедшей. И конечно, православию, потому что я была и остаюсь церковной певчей.

— Церковь для вас источник вдохновения?

— Для меня источником вдохновения служат все: звуки органа, архитектура, живопись, полет птиц, смех ребенка, слабеющие руки старика — все меня волнует, все питает.

— Ваш довольно регулярный «уход» в монастыри, посещение деревенских храмов тоже продолжение пути, указанного вам свыше?

— Несомненно. Однако я никогда в монастырь не «уходила» и постригаться не собиралась. Долг каждого верующего — время от времени переступать монастырские врата. Так же, как ходить в церковь. С той разницей, что из церкви возвращаются домой, а в монастыре после молитвы работают еще на покосе или на скотном дворе. Жила я в разных монастырях. К несказанному счастью, побывала и в Дивеевской обители в Сарове, дивном старинном городе, где покоятся мощи преподобного Серафима Саровского. Испытываю особую радость, когда пою в бедных сельских храмах, среди простых и добрых людей.

— Как они воспринимают ваше пение?

— Плачут. Дарят пряники, конфеты. Пусть вам не покажется странным, но для меня разговор с деревенским батюшкой значит иной раз больше, чем встреча с Папой Римским — при всем моем глубочайшем уважении к нему и благодарности за минуты пения перед ним в Ватикане вместе с петербургским камерным хором под управлением Николая Коренева.

— При каких обстоятельствах это произошло?

— На одном из концертов в Санкт-Петербурге меня услышали монахи-францисканцы. По их приглашению я и поехала в Италию на международный симпозиум за воссоединение

всех христиан мира. Отправилась как частное лицо, никому о цели визита не сказав. Паломничество это стало одним из чудес моей жизни: я не только встретила с Иоанном Павлом II, но и совершила поездку по святым местам Франциска Ассизского. Год спустя я получила уже личное приглашение от Папы. Как и следовало ожидать, в разрешении на выезд мне было отказано.

— Круг ваших интересов не ограничивается духовной музыкой, он включает в себя сотни произведений светского характера. Чему вы отдаете предпочтение?

— Прежде всего сочинениям русских композиторов: Чайковского, которому я посвятила всю свою жизнь, Мусоргского, Глинки, Римского-Корсакова, Рахманинова. Пою Баха, Шуберта, Брамса, Грига, Малера. Из современных мастеров высоко ценю Георгия Свиридова. Его гениальный цикл на стихи Блока — одно из программных сочинений в моей судьбе. Счастлива, что могу знакомить слушателей с замечательными вокальными произведениями Владимира Рябова и Виктора Семенова.

— Обидно, что вы не поете в оперных спектаклях.

— Если бы нашлась группа единомышленников, готовых доброжелательно выслушать мои «безумные» сценарные замыслы, я с удовольствием согласилась бы петь в опере. А выступать в дежурном спектакле на правах исполнителя, которого вводят на уже готовую роль, — во имя чего? Оперная труппа Большого — одна из самых слабых в стране с тех пор, как его солисты стали петь партийные гимны. Так погибла некогда великая русская опера.

— Тем не менее этой зимой вы пели в концерте Новой оперы Евгения Колобова.

— Это был благотворительный концерт в память жертв ужасающего землетрясения и геноцида в Армении. Вместе с директором агентства «Ардани» Сергеем Даниляном мы составили программу за год до концерта. В нем согласился принять участие глубоко почитаемый мною оркестр Евгения Колобова.

— Творчество каких музыкантов не прошло бесследно для вас как певицы и слушателя?

— В первую очередь это Мария Каллас, величайшая трагическая певица XX века, которая дала миру понять, что с ним будет, если он не изменится. Кэтлин Ферриер, ближе нее для меня музыкантов нет. Разумеется, Шалипин. У нас были исполнители, близкие к этому совершенству. Надежда Андреевна Обухова. Если говорить о наших днях, то одним из самых благополучных в этом отношении городов я считаю Петербург. Там выросла блестящая плеяда молодых: Елена Рубин, Владимир Чернов, Елена Устинова. И все-таки из всех нынешних певцов России для меня есть одна звучащая душа — Виктория Иванова.

Я глубоко чту подвижников русской музыки: Евгения Светланова, Михаила Плетнева, Григория Соколова, покойных Глена Гульда и Владимира Софроницкого. Особо выделяю кинорежиссера Александра Сокурова. Не устаю повторять, что есть лишь один человек, говорящий на моем языке, но неизмеримо более высоко. Это Сокуров. Мой отдаленный голос звучит в некоторых его фильмах-исповедях.

— У вас нет ни постоянной работы, ни собственного фортепьяно, ни помещения для репетиций, ни машины, ни импресарио. Даже крышу над головой вы обрели сравнительно недавно, да и то «у черта на куличках». Не возникает желания уехать в более благодарную страну?

— Нет. Здесь мои могилы. Но есть и другая причина. Что бы я ни пела на Западе и как бы ни пела, даже если очень, на мой взгляд, неудачно, слушатели неизменно восторгаются и умиляются. В такой снисходительной обстановке художник расти не может.

— Каковы материальные источники вашего существования?

— Редкие гонорары. С моим бессменным концертмейстером Евгением Талисманом (нашему музыкальному союзу уже 11 лет) мы выступаем на благотворительных началах. Размер гонорара таков, что каждый раз не могу сообразить, как его потратить. То ли вернуть сотую долю долгов, то ли купить лекарство, то ли подать нищему. Вышла всего одна пластинка с нашей записью. И то смехотворным тиражом в 5 тысяч экземпляров. О фондовых записях на радио даже не говорю, их просто нет.

— Что означает ваша труднопроизносимая для русского фамилия?

— Мкртчян — значит Креститель. Это фамилия моего отца, армянина. Может, она тоже незримо влияет на мой суровый характер и полное веры и любви отношение к миру...

Остается надеяться, что мир, не всегда доброжелательный, а подчас и жестокий к Лине, когда-нибудь ответит ей взаимностью.

Герард КИМЕКЛИС